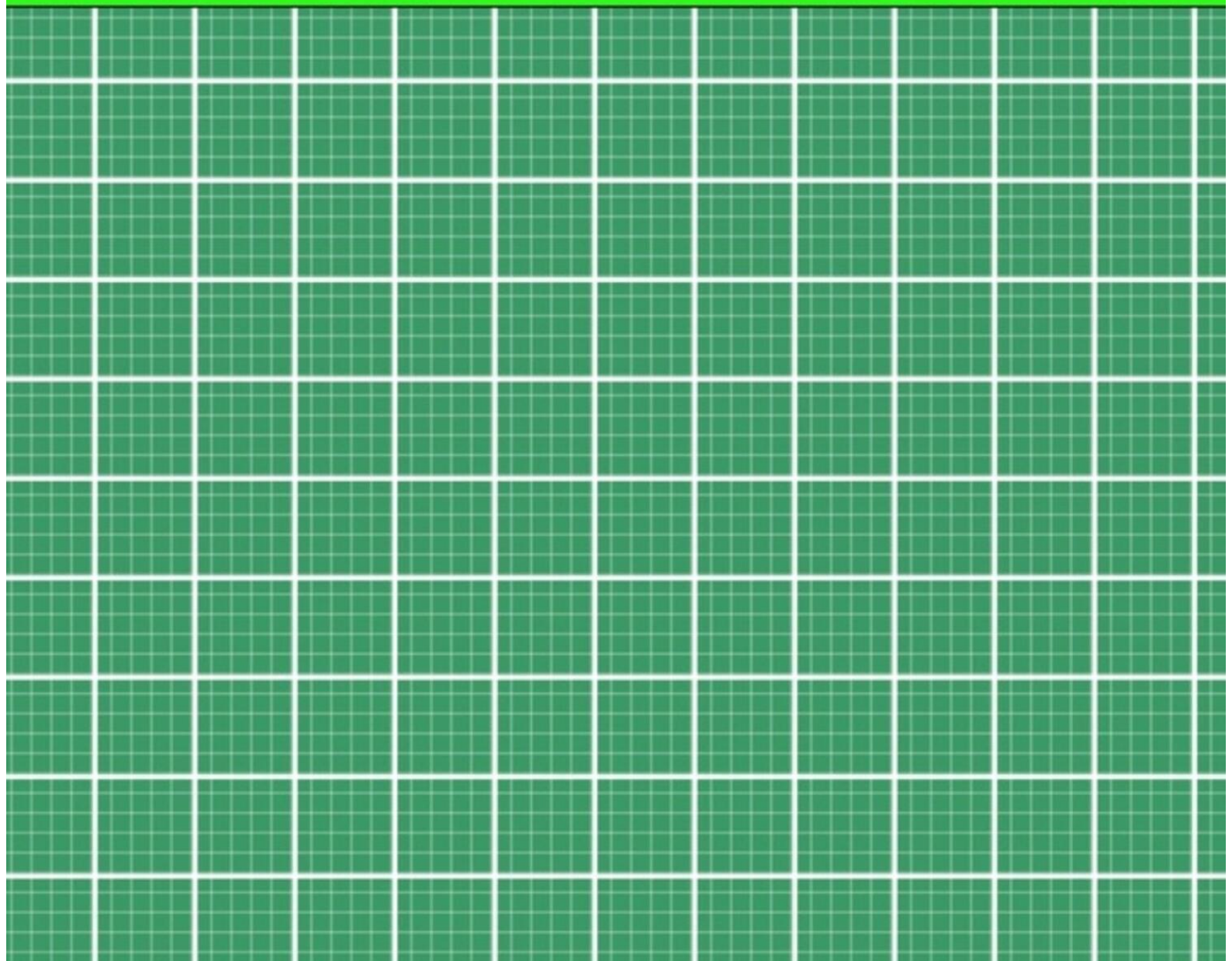

Роман Воликов

*Дикий
монастырь*

Роман Воликов
Дикий монастырь

«Автор»

2022

Воликов Р.

Дикий монастырь / Р. Воликов — «Автор», 2022

Эта повесть о жизни, смерти, о борьбе за жизнь, даже если смертельно болен

© Воликов Р., 2022

© Автор, 2022

Роман Воликов Дикий монастырь

Надо развести костёр, согреть воды. Шершавые здесь камни, скользишь по ним пальцами, словно книжку читаешь. Сыро по ночам, а что зимой будет. Он устало поднялся с земли и принялся изучать содержимое мешка. Вторым мешок он бросил на полпути, тяжело с непривычки в горку карабкаться. Съестного в том мешке нет, зверьё не заинтересуется. Завтра схожу, заберу.

Он потрогал ладонью лоб. Градусник тоже в том мешке. Температура, похоже, есть, но невысокая. Тебе болеть нельзя, сказал он громко скалам, нависающим над ним. Раз собрался жить, живи.

Стемнело резко, как всегда на юге. Костерок горел, отбрасывая неясные тени на лазы в скалах. В обители ему сказали, что это караимские схроны, иудеи прятались в здешних местах от турок. Он провёл ладонью по шершавому камню, когда это было, триста лет назад? Нет, больше. Ночевать он решил в ванне для давки винограда, выдолбленной с края платформы, днём набросал туда сухой травы и кинул сверху спальный мешок. Для первой ночевки сойдёт. Схрон-келья подходил больше, но чтобы забраться, требовалась лестница, досок, смастерить лестницу, у него не было, и сил после сегодняшнего подъёма по узкой тропке.

Лёжа в спальном мешке, он подумал, что надо прочесть вечернюю молитву. Кому надо? Ему? Твоя молитва это сон, подумал он, проваливаясь в тишину, слишком много дел до зимы, чтобы бездарно тратить время.

Его разбудила ящерка. Ящерка неподвижно сидела на спальном мешке и рассматривала его лиловыми глазами. «Привет! – сказал он. – Соседями будем». Ящерка сбросила хвост и засеменила вверх по отполированной стене ванны.

Настоятель Успенской обители, провожая в путь, предлагал помощь:

– Журавли на днях за море полетели, холода ранние настанут. Не перезимуешь без домика. Давай я рабочих найму, за неделю хибарку какую-никакую сколотят.

– Не надо, – сказал он. – Сам справлюсь.

– Я тебе официальную бумагу подготовил, – сказал архимандрит. – На тот случай, если милиция побеспокоит. Тёмные времена, с этим спором из-за экзархата*. Не бог вещь что, но печать гербовая стоит.

*Начавшийся в 1992 году конфликт между Русской Православной Церковью (РПЦ) и Украинской православной Церковью (УПЦ) из-за автономии (экзархата) последней.

Он развернул лист бумаги и прочёл: «Податель сего документа, Агафонов Михаил Сергеевич, в монашестве схимник Никанор, уполномочен обустроить скит Свято-Успенского монастыря Русской Православной Церкви».

– До весны доживём, – сказал настоятель. – Алтарь освятим. Раз в неделю послушника буду присылать, со съестным, ну и, вообще, проведать, как ты там.

Он выбрался из спального мешка и принялся изучать платформу. Неширокой, метров семь, полосой, она огибала скалу, всю в зрачках караимских лазов. Он прошёл её до конца и остановился на узком уступе, торчащим над каньоном.

«Метров шестьдесят, – подумал он. – Для жизни просторно и не для меня одного. Алтарь установлю в одной из пещер, сколочу лестницу, изучу все по очереди». Из скалы стекал жиденький ручей в неглубокий бассейн, тоже выдолбленный в караимские времена.

«Точно скалы здесь как живые, – он умылся прохладной водой. – Из камня влага течёт».

Путь вниз оказался веселее. Солнце светило ярко и жарко. «Не так уж и высоко, – подумал он. – Не больше двух километров».

Под кизиловым деревом лежал брошенный вчера мешок. «Лавочку здесь поставлю, – пообещал он себе и будущим путникам. – Пойду в село, посмотрю на людей».

Татарское село раскинулось у подножия скалы, радостно сверкая красными крышами. За чередой холмов виднелись развалины византийской крепости. Узкая тропа вывела к проселочной дороге, у начала дороги имелась стоянка для машин и небольшая корчма. Прямо возле дороги невысокий коренастый человек топором рубил на пне баранину.

– Бог в помощь! – поздоровался он.

Человек воткнул топор в землю и тоже поздоровался.

– У вас можно купить доски и гвозди? – спросил он. – Я заплачу.

Человек внимательно посмотрел на него:

– К вам как обращаться?

– Схимник Никанор, – сказал он.

– Рахим, – сказал человек. – Вы наш батюшка?

– Нет. В иеромонахи не рукоположен. Я инок Свято-Успенского пещерного монастыря. Скит на скале основал. Домик надо построить для зимы. А алтарь в пещере обустрою.

– У нас татары в основном живут, – сказал Рахим. – Русские тоже есть, несколько семей. Но они, по-моему, атеисты.

– Ничего страшного, – сказал он. – Приходить в скит любой может, если захочет. А вы верующий?

– Я советский человек, – сказал Рахим. – Не верю ни в бога, ни в чёрта. Всю жизнь в военной авиации. На пенсию вышел, здесь обосновался. Корчму открыл, кормлю туристов, которые к крепости приезжают.

– Ясно, – сказал он. – Так как насчёт материала?

– Продам, – сказал Рахим. – Вам двух кубов хватит?

– Наверное. У меня строительного опыта нет. Но должно хватить.

– А вы как доски наверх потащите?

– На себе, – сказал он. – Как ещё. За несколько недель перетаскаю...

Плохо они жили с женой, это он понял окончательно, только когда в больницу загремел. И сошлись вроде не детьми, ему было тридцать пять, ей тридцать один, она уже отменилась в замужестве, растила мальчишку, балованного и нервного. Как-то сошлись, не думая о последствиях, она – от женской безысходности, годы идут, а счастья нет, ему, наверное, захотелось банального семейного уюта, осточертела холостяцкая жизнь, это мельтешение юбок, всё время с кем-то, а на самом деле всегда один.

Началось с того, что у него категорически не сложились отношения с сыном жены. На его взгляд, парень был откровенно глупый, но при этом вызывающе и тупо агрессивный. Педагогическими талантами он не обладал, поэтому раз послушал мальчишкину наглость, два послушал, а потом врезал затрепину, как в старые добрые времена, как когда-то его отец поставил его на место, за что вечная благодарность покойному.

Мальчишка сразу стух, а жена взвинтилась в истерике. Для него это было неожиданно, весь житейский опыт подсказывал, что нельзя попустительствовать выходкам подростка, оставшись с женой наедине, он попытался это объяснить, но увидел в её глазах стеклянную ненависть слепой материнской любви и заткнулся. «А мне это надо, – подумал он. – В этой квартире много чего есть, что меня раздражает, например, старый родительский шкаф в коридоре, я который год никак не выброшу его на свалку».

Рахим привёл ишака, нагруженного досками.

– Не надо на себе. Это Сизифов труд.

Он рассмеялся:

– Сизиф поднимал глыбу на вершину и сбрасывал вниз. Я же скит строю.

– Всё равно не надо на своем горбу, – сказал Рахим. – Гвозди, молоток и топор в седельной сумке. В выходные сноха с внуком придет, подменит меня в корчме, я поднимусь, помогу строить. Я – плотник неплохой.

– Спасибо! – сказал он. – От помощи не откажусь.

За световой день он сделал несколько ходок вверх-вниз, потом привязал послушного ослика к веранде корчмы, хозяин был занят обслуживанием задержавшихся на осмотре крепости туристов, и в сумерках пошёл к себе. На всякий случай в кармане лежал фонарик, но он не понадобился, глаза ловко выхватывали тропинку, она, эта тропинка, стала почти родной. Ночью поднялся сильный ветер с дождём и через сон он тревожно подумал, что пока строится домик, следует сделать навес над ванной для давки винограда. Куплю у Рахима кусок брезента, успокоился он, у него в хозяйстве наверняка имеется.

Утром он измерил температуру. Температура была в норме. Спальный мешок сох на солнышке, он вскипятил на костре воды и первый раз за долгое время побрился. Из зеркальца на него посмотрело лицо сорокалетнего человека, у которого вообще-то всё неплохо, только глаза грустные. «Странно, – подумал он. – Я хорошо себя чувствую, у меня ничего не болит внутри. Плечи ломит, это понятно, я просто не привык к физической работе». Он снова взглянул на себя в зеркальце, глаза как будто повеселели. Ну и славно, подумал он, я всегда замечал, что стороны я выгляжу несколько иначе, чем кажется мне самому.

До выходных он возил на ослике доски, а в субботу, поджидая Рахима, смастерил лестницу. Самый широкий лаз был ровно посередине платформы, высоко, метров пять, но справа от него спускался почти до земли каменный нарост, напоминавший древний гриб из учебника ботаники. Зимой выдолблю ступени, подумал он, зимой время медленно тянется, наверху перед лазом сделаю укрепленную площадку, вот тебе и вход к алтарю.

Он приставил лестницу к лазу и полез наверх. Лестница закрипела под весом, но выдержала. В пещере была могильная темнота. Он осветил фонариком стены. Трещинки разбегались в луче как причудливая мозаика. Лишайника нет, отметил он, значит сухо. Интересно, сколько здесь рукотворного, а сколько от природы. Он пошёл вперед, осторожно ощупывая ногой пол перед каждым шагом.

Так он двигался несколько минут. Пещера постепенно расширялась, воздух был настолько сухой, что в горле запершило. Кое-где по краям стояли резные деревянные столбы, служившие когда-то опорами. Он потрогал ладонью один из столбов, дерево истончилось от времени, но ещё сохраняло крепость. Вот ведь жили здесь, подумал он, прятались, молились, может быть, любили, а потом всё – тишина и прах. Он зацепился ногой за препятствие и едва не выронил фонарик.

Он присел на корточки – перед ним лежал череп, небольшой по размеру, детский. Он осветил фонариком вокруг – рядом было ещё несколько черепов, взрослых, кости, ржавые окислившиеся ножи, напоминавшие турецкие ятаганы, несколько кусков ткани, вероятно, всё, что осталось от истлевшей одежды. На одном из кусков ткани покоилась книга, размером в два кирпича, в кожаном окладе, с железными скрепами.

Просто археологическая находка, подумал он. Подсвечивая фонариком, он изучил книгу. Она сохранилась неплохо, печатные листы выглядели неряшливо из-за прикосновений чьих-то жирных грязных пальцев. Наверное, Тора, подумал он, или Талмуд, как там у них священные книги называются? Отдам Рахиму, попрошу, чтобы передал в музей, а кости надо похоронить, по-людски.

«Отец Никанор, ты где? Ты живой?» – услышал он голос издали. Он спешно вернулся и выглянул из лаза.

На платформе стояли Рахим и подросток лет двенадцати. Нагруженный ослик отдыхал у кипы досок.

– Я сейчас, – сказал он, вернулся за книгой, взял её подмышку и осторожно спустился по лестнице.

– Я уже волноваться начал, – сказал Рахим. – Пришли, а никого нет, только костёр дымится.

– Изучал местные достопримечательности, – сказал он. – Вот книгу старинную нашёл. Передашь археологам?

– Почему не передать, – сказал Рахим. – Съезжу в музей в Бахчисарай. Там и денег, наверное, заплатят.

– Деньги себе оставишь, – сказал он. – За труды!

– Ахмат, – Рахим сказал несколько слов по-татарски пареньку, с любопытством взирающему на его рясу. Тот молча направился к ослику. – Племянник мой, охламон конкретный, мать не слушается, дерзит. Я его на трудовую терапию взял, не против?

– Не против, – сказал он. – Руки всегда сгодятся.

Сначала они с женой ругались, первый, наверное, год совместной жизни, может быть, полтора. Скандалили негромко, неудобно перед мальчишкой, и быстро, он замыкался в себе, уходил на кухню и втыкался в интернет, жена также хмуро смотрела всё подряд по телеку. Причины, как обычно, были пустяковые, но оба хорошо понимали, что семейная жизнь не складывается, и парень просто первая преграда и не более того. Он несколько раз предлагал расстаться, жена пускалась в плач, и на какое-то время наступала мирная эпоха. Он так до конца и не понял, зачем жене была нужна эта непутевая семейная жизнь, неужели только из-за того, что у него просторная, трёхкомнатная квартира, доставшаяся в наследство от родителей, и жене от этой квартиры до работы полиага не торопясь, неужели так всё банально и примитивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.